

СТЕНА ВОКРУГ МИРА

Стена, что со всех сторон окружала Мир, была всегда, и никто не обращал на нее внимания — никто, кроме Порджи.

Порджи собирался посмотреть, что находится по ту сторону Стены — если, конечно, она существовала, та сторона, — даже рискуя свернуть себе шею. Ему шел уже четырнадцатый год, а ведь это возраст, когда мальчишки склонны считать слово «невозможно» бессмысленным звукосочетанием. Тем не менее Порджи отдавал себе отчет в том, что трудно взобраться по гладкой, как стекло, поверхности, отвесно вздымающейся более чем на тысячу футов. Вот почему он подолгу наблюдал за полетом орлов.

Этим утром Порджи, как всегда, в школу опоздал. Он замешкался, отыскивая на до отказа забитой подставке, куда бы пристроить свое помело, и когда с виноватым видом шмыгнул в класс, прошло уже ровно шесть минут урока.

Сперва ему подумалось, что все обойдется. Старый мистер Уиккенс стоял к нему спиной и мелом чертил на доске пентаграмму.

Но едва Порджи стал примачиваться на свое местечко, как учитель обернулся и произнес, растягивая слова:

— Насколько я понимаю, мистер Миллс решил в конце концов присоединиться к нам!

Весь класс грохнул, а Порджи покраснел.

— Что же случилось с вами на этот раз, мистер Миллс?

— Я на орла глядел, — неловко сказал Порджи.

— Как, должно быть, приятно было этому орлу! И что же он такое делал?

— Он парил на ветру! И крыльями не махал и ничего не делал. Над каньоном, который упирается в Восточную Стену. Там ветер ударяет в Стену и поднимается вверх. И этот орел просто плавал себе кругами, и каждый раз все выше! Знаете, мистер Уиккенс, на спор могу идти, что если наловить орлов целую стаю, привязать к ним веревки — так они человека прямо на край Стены могут поднять!

— Это вполне вероятно, — согласился мистер Уиккенс, — если бы только ты смог из-

ловить этих орлов. А теперь, с твоего позволения, я продолжу урок... Когда мы имеем дело со стихиями Пятого порядка, — обратился он к классу, — нужно быть осторожным с...

На втором уроке мистер Уиккенс дал классу задачку по Практической Астрологии. Порджи никак не мог сосредоточиться. Ничего у него не получалось, а когда он обнаружил, что еще в самом начале нечаянно поменял местами пару знаков Зодиака, то окончательно сдался и стал рисовать схемы силков для орлов. Сначала он нарисовал одну такую схему, решил, что ничего не выйдет, принялся за вторую...

— Порджи!

Он подскочил. Мистер Уиккенс возвышался прямехонько над ним. Учитель протянул руку и взял лист бумаги, на котором Порджи чертил свои схемы. Затем он ухватил Порджи за плечо и выдернул его из-за парты.

— Ступай ко мне в кабинет!

Выходя из дверей, Порджи услышал, как мистер Уиккенс сказал:

— Класс свободен до моего возвращения!

Мальчишки всех калибров — высокие мальчишки, среднего роста и совсем малыши — неудержимой лавиной хлынули из класса. Когда орава эта неслась мимо Порджи, его двоюродный брат Гомер резко затормозил и как будто бы нечаянно заехал ему локтем под ребра. Гомер, которого прозвали «Бульдожка» за вечно драчливое выражение широкого, словно топором вырубленного лица, был годом старше Порджи и к старшинству своему относился серьезно:

— Вот погоди, расскажу про все отцу! Схлопочешь вечером!

Мистер Уиккенс отпер дверь своего кабинета и жестом предложил Порджи войти. Затем он закрыл за ним дверь и тщательно запер ее.

— Чем ты занимался вместо того, чтобы выполнять задание?

Порджи не отвечал.

Мистер Уиккенс сузил глаза. Длинный ореховый прут, что покоился на книжном шкафу, рядышком с чучелом совы, легко взмыл в

воздух, проплыл через всю комнату и лег ему в руки.

— Ну? — спросил мистер Уиккенс, хлопая прутом по столу.

— Силки для орлов... — признался Порджи. — Я силки для орлов рисовал. А что я могу поделывать... Это меня Стена заставила...

— Продолжай!

Порджи мгновенно колебался. Прут снова хлестнул по столу.

— Я хочу поглядеть, что там с другой стороны! — выпалил Порджи. — Раз нет такого колдовства, чтобы меня туда перенести, значит, я должен еще чего-нибудь придумать!

— Я чувствую в тебе сомнение. Сомнение — это зло, Порджи, зло! Есть пути, которые открыты людям, и пути запрещенные. Вспомни, что Черный Человек еще не приходил за тобой, но он пришел когда-то за твоим отцом. А теперь наклонись!

Прут опустился со всего маху — но на стол.

— Встань. — устало сказал мистер Уиккенс. — Я пытаюсь вколотить кое-что тебе в голову, а также и воздействием на противоположную часть твоего тела, но один его конец оказался столь же невосприимчивым, как и другой.

Он указал в окно на вздымающуюся в отдалении поверхность Стены, со всех сторон окружающей Мир.

— Пусть тебя не волнует, что находится там, за ней! Может быть, там живут ангелы, а может быть — демоны. Ни одно наше помело не может подняться столь высоко — у нас недостаточно сильные заклинания. Нам нужно получить овладеть ведовством, лучше понижь невидимые силы, что окружают нас. Во времена моего деда даже на самом лучшем помеле нельзя было подняться в воздух выше чем на сотню футов. Но Знающие в Великой Башне трудились и трудились, и вот теперь, когда облака опускаются низко, мы можем летать уже прямо среди облаков. И наступит день, когда мы сможем взмыть и к самой вершине Стены...

— А почему не сейчас? — упрямо спросил Порджи. — С помощью орлов?

Рис. Д. ЛЮНА

— Потому, что мы не готовы, — резко ответил мистер Уиккенс. — Возьми, к примеру, обмен мыслями на расстоянии. Всего тридцать лет назад были выработаны магические формулы, и даже сейчас лишь немногие обладают способностью разговаривать друг с другом за несколько миль, просто произнося слова в уме. Время, Порджи, — на все это требуется время! Нас поселили здесь, чтобы мы познали Путь, и все, что могло бы отклонить нас от этого, — зло! Человек не в состоянии идти сразу в двух направлениях. Если он попытается, он разорвется на две части.

— Может, и так, — сказал Порджи, — но вот птицы летают же над Стеной, а они никаких заклинаний не знают. Послушайте, мистер Уиккенс, если все — колдовство, то почему же тогда с его помощью нельзя сделать все, что хочешь? Вот, например...

Он вынул из кармана сверкающий обкатанный кусочек кварца и положил его на стол.

Слегка подталкивая камешек пальцем, он сказал:

— Каменное око,
Поднимись высоко,
Выше облака ходячего,
Дальше солнца горячего!
Камешек не двинулся.

— Видите, сэр? Если слова влияют на помело, они и на камни так же должны действовать!

Мистер Уиккенс уперся в камешек взглядом. Внезапно тот затрепетал и подпрыгнул в воздух.

— Так это же другое дело, — сказал Порджи. — Вы его подняли усилием мысли. Со всякими мелкими вещами — это хоть кто может! А мне вот хочется узнать, почему слова сами по себе ничего сделать не могут...

— У нас еще просто не хватает знаний, — нетерпеливо сказал мистер Уиккенс. Он отпустил камешек, и тот с мелодичным стуком упал на стол. — С каждым годом мы узнаем немного больше. Может быть, ко времени, когда у тебя будут дети, мы узнаем заклинание, которым можно будет поднять все, что угодно. — Он презрительно фыркнул: — Да и для чего тебе, спрашивается, чтобы камни летали по воздуху? У мальчишек достаточно неприятностей, даже когда они ими просто швыряются!

Порджи нахмурил брови:

— Это же не одно и то же — когда заставляешь какую-нибудь вещь что-то сделать, например, если я поднимаю ее рукой или мыслью, и когда нашепчешь наговор, и она уже сама все выполняет, вот как помело...

Каждый из них задумался о своем, и в кабинете повисло долгое молчание.

— Не хочется мне ворошить неприятное прошлое, Порджи, — сказал в конце концов мистер Уиккенс, — но было бы полезно вспомнить, что произошло с твоим отцом. К нему сомнения пришли позже, чем к тебе, — некоторое время он был моим самым способным учеником, — но сомнения эти были столь же сильны.

Он выдвинул ящик стола, покопался в нем немного и извлек пачку пожелтевших от времени листов бумаги.

— Вот сочинение, которое его погубило. «Исследование неколдовских методов левитации». Он написал это, когда выступал на соискание степени Младшего Знающего. — Мистер Уиккенс швырнул всю пачку на стол перед Порджи таким движением, словно уже одно прикосновение руки к этим листкам могло осквернить человека.

Порджи потянулся было к ним.

— Не прикасайся! Они полны богохульства! — загремел мистер Уиккенс.

Порджи отдернул руку. Он посмотрел на лист, который лежал сверху, и увидел аккуратный рисунок чего-то, что напоминало птицу, разве только крыльев было две пары — одна впереди, а другая сзади.

Мистер Уиккенс убрал бумаги в ящик.

— Если ты желаешь пойти по стопам своего отца, — учитель упорно не сводил с Порджи своего цепкого неодобрительного взгляда, — никто из нас не сможет тебе помешать. — Голос его поднялся и окреп. — Но есть один, кто может... Помни о Черном Человеке, Пор-

джи, ибо поступь его ужасна! В его глазах пламень, и никакой заговор не защитит тебя от него! Когда он пришел за твоим отцом, день обернулся тьмой и стенанием. И когда солнце засияло снова, они уже исчезли, а куда — об этом и помыслить нельзя!

Мистер Уиккенс покачал головой, словно бы сраженный этим воспоминанием, и указал на дверь.

— Думай, Порджи, прежде чем что-либо сделать. Хорошенько думай!

Порджи и думал, выходя из кабинета, но не столько о Черном Человеке, сколько о наброске в сочинении отца.

Этот ящик из-под апельсинов с двумя досками поперек вместо крыльев отдаленно напоминал отцов рисунок, но внешность оказалась обманчивой. Порджи сидел на ступеньках крыльца, искренне жалея себя и потирая два чувствительных местечка своего тела. Место пониже спины зудело у него в результате слишком свободного прилегания дядиной руки. Распухший же нос явился следствием воздушной катастрофы.

Несколько раньше он взгромоздил свою трудолюбиво созданную машину на крышу дровяника и кинулся в ней в воздушный простор.

Теперь Порджи страшно жалел, что пригласил Бульдожку в свидетели своего триумфа, ибо вся эта история немедленно стала известна дяде — с обычными последствиями.

Чтобы уж совсем быть уверенным в том, что урок вколочен как надо, дядя на неделю отобрал у него помело, а чтобы Порджи не улизнул потихоньку, он, прежде чем запереть помело в чулане, заговорил его.

Ведь вся их компания собралась сегодня вечером лететь к Красным Скалам — погоняться там за летучими мышами.

Ребята снисзились и начали кружить над домом, криками вызывая его и Бульдожку. Они гудели и свистели, кричали и улюлюкали, покамест Гомер не присоединился к ним, вылетев из окошка своей спальни.

— Порджи не может! — прокричал он. — Его вздули, и па спрятал его помело. Пошли, ребята!

Бульдожка был у них заводилой с тех самых пор, как получил взрослое помело. Он мог взмыть на пятьсот футов, повиснуть на помеле вниз головой, пропустив его под коленями, а затем отцепиться и полететь вниз. Он падал камнем, вытянув руки и изогнув тело, так, будто нырнул ласточкой, и вдруг — когда до земли оставалась какая-нибудь сотня футов — подзывал помело, и оно стрелой мчалось к нему.

— Показуха! — пробормотал Порджи и захлопнул дверь дровяника, чтобы больше не видеть удаляющихся ребят.

На верстаке стояла небольшая модель из бумаги и лучинки, с которой и начались все его беды. Он взял ее в руки и резко пустил в воздух. Она нырнула было к полу, но затем, набрав скорость, задрала нос к потолку и описала в воздухе изящную петлю. Выровнявшись, модель внезапно вильнула влево и врезалась в стену. Одно крыло расколосилось.

Порджи подошел и поднял модель.

Может быть, то, что получается на маленьких моделях, на больших не удается, — подумалось ему. Потому, что тот ящик из-под апельсинов с досками наперекрест был таким точным подобием этой маленькой модели, какое он только мог сделать. Равнодушно положил он снова модель на верстак и вышел во двор. Может быть, они все правы — и мистер Уиккенс, и дядя и все остальные. Может, только и есть один путь, по которому надо следовать.

Что же, он будет поступать, как они требуют, но ведь нет никаких причин, по которым он не мог бы немного подхлестнуть события. Ожидание, покуда его внуки выдумают что-то, не перенесет через Стену его самого.

Завтра, после уроков, он начнет разрабатывать свою новую идею, и на этот раз, может быть, найдет правильный путь.

На кухне дядя и тетка спорили о нем. Порджи остановился в прихожей, прислушался.

— Ты думаешь, мне доставляет удовольствие пороть ребенка? Да мне еще больней, чем ему!

— Я обратила внимание, что после этой порки ты-то сидеть мог, — сухо заметила тетя Ольга.

— Ну, а как я еще мог поступить? Мистер Уиккенс, правда, не пришел и не сказал об этом прямо, но все же намекнул, что ежели Порджи не перестанет мечтать черт-те о чем, его могут исключить из школы. Гром меня разраза, Ольга, я делаю для парнишки все, что и для собственного сына! Ты что, хочешь, чтобы я отступился и предоставил ему кончить, как кончил твой братец?

— Ты брата не трогай! Что бы Порджи ни делал, ты не смеешь его бить! Он еще всего-навсего мальчонка.

Раздалась громкое фырканье.

— На случай, если ты запомнила, дорогая, в марте ему уже стукнуло тринадцать. Очень скоро он станет совсем взрослым.

— Тогда что же ты не поговоришь с ним как мужчина с женщиной?

— Да разве я не пробовал? Ты же знаешь, что всякий раз происходит. Он начинает сыпать этими своими сумасшедшими вопросами и идеями, я выхожу из себя, и вот мы уже там, где начали. — Дядя воздел руки. — Ума не приложу, что с ним делать! — Дядя встал. — Пойду в гостиную, читаю газетку...

Порджи уже был там, с самым прилежным видом перелистывая свои учебники. Дядя опустился в кресло качалку, развернул газету и раскурил трубочку. Он протянул руку к пепельнице — положить обгоревшую спичку, и, как обычно, пепельницы на месте не оказалось.

— Порджи!

— Да, дядя Вирил?

— Принеси-ка мне пепельницу из кухни, ладно?

— Запросто, — сказал Порджи и зажмурился. Он стал думать о кухне, пока вся ее обстановка не выступила в его мозгу с необычайной яркостью и точностью. Помятая медная пепельница стояла возле раковины, где тетка оставила ее, сполоснув. Он скопил свой внутренний глаз, уперся взглядом в медную чашу пепельницы и прошептал:

— Пепельница, брысь!

Лети, не кувыркнись!

Пепельница задрожала и медленно взмыла в воздух.

Порджи быстренько представил себе дверь из кухни, коридорчик и повел пепельницу к комнате.

— Порджи! — послышался сердитый возглас дяди.

Порджи подскочил, а в коридоре раздался шум падения, — пепельница грохнулась об пол.

— Сколько раз я тебе говорил — не занимайся левитацией в доме! Если тебе так уж трудно дойти до кухни, скажи мне, и я схожу сам!

— Я просто тренировался, — оправдываясь, промямлил Порджи.

— Вот и тренируйся на улице. Ты все стены исцарапал, стучая об них вещи. Знаешь ведь, что тебе пока рано баловаться с телекинезом за пределами прямой видимости.

— Вот она, дядя, — сказал Порджи, внося пепельницу в комнату. — Извините.

Дядя взглянул на его несчастное лицо, вздохнул, протянул руку и любовно потрепал племянника по вискам.

— Держи хвост пистолетом, Порджи. Мне жаль, что давеча пришлось тебя вздуть. Но это было для твоей же пользы. Ты же знаешь, что люди у нас здесь думают насчет всяких машин. — Он поморщился, словно ненароком ругнулся. — Одно только запомни, Порджи: если тебе что-то хочется узнать, ничего не затевай сам. Приди ко мне и спроси, и мы поговорим с тобой как мужчина с женщиной.

Лицо у Порджи просветлело.

— Вот есть одна штука, я над ней все думаю последнее время...

— Ну-ну, — поощрительно сказал дядя.

— Сколько нужно орлов, чтобы поднять человека до вершины Стены?

Дядя Вирил сосчитал до десяти — очень медленно.

На следующий день Порджи отправился в

Публичную библиотеку и по лестнице поднялся в зал главного абонемена.

— Маленьким сюда не полагается, — сказала ему библиотекарша. — Детское отделение внизу.

— Но мне нужна книжка для дяди, — запротестовал Порджи. — Про то, как летать. Есть у вас книжки про то, как заставить всякие вещи летать по воздуху?

— Какие вещи?

— Ну, вот — птицы...

— Птиц не приходится заставлять летать. Они такими рождаются.

— Я не про настоящих, — объяснил Порджи. — Я про тех, которых... если сам сделаешь.

— О. Оживление! Секундочку, дай-ка, я представлю. — Она закрыла глаза, и картотечный каталог на другой стороне комнаты принял один за другим выдвигать и снова задвигать свои ящики. — Ага, вот, возможно, то, что он ищет, — прошептала библиотекарша через минуту и снова сосредоточилась. Большая, в окованном латуны переплете книга вспорхнула с кучи других и легла перед ней на стол. Она вытащила контрольную карточку из бумажного кармашка и протянула ее Порджи.

— Запиши вот здесь фамилию твоего дяди.

Порджи так и сделал, а затем, прижимая книгу к груди, со всей возможной расторопностью выбрался из библиотеки.

* * *

К тому времени, когда Порджи продрался через три четверти книжищи, он был близок к тому, чтобы в отчаянии сдаться. Это все было колдовство для взрослых. Каждый встретившийся ему свод инструкций либо использовал неведомые ему слова, либо требовал таких ингредиентов, которые достать было совершенно невозможно, — вроде измельченного рога единорога и крови рыжих девственниц.

Он не знал, что такое девственница — все, что дядина энциклопедия могла поведать ему по этому вопросу, так это только то, что девственницы — единственные, кто может удержаться верхом на единороге, — но одну рыжую девчонку по имени Дороти Боггз он знал, она жила чуть дальше по улице. У Порджи было, однако, предчувствие, что ни она сама, ни родители этой рыжей не отнесутся тепло к тому, кто попросит выделить две комнаты* ее крови, поэтому он продолжил поиски в книге. Уже почти в самом конце он нашел свод правил, которым, как ему думалось, он бы смог последовать.

У него ушло два дня, чтобы собрать все снадобья. Единственное, что причинило ему затруднения, так это поиски жабы — остальные ингредиенты, хотя по большей части противные и дурно пахнущие, он достал без особых хлопот. Число месяца и точное время эксперимента были делом важным, и Порджи удивил мистера Уиккенса своим внезапным интересом к его предмету — Практической Астрологии.

Наконец, после трудоемких вычислений, Порджи решил, что пора.

В ночной тишине Порджи выбрался через раскрытое окошко и пересек двор, направляясь к дровянику. Очутившись внутри, он аккуратно проследил, чтобы все окна были завешены. Затем зажег свечку. Приподняв одну из досок пола, он извлек свою книжку и запасенные зелья.

Сначала нужно было из глины, которую он взял с кладбища, слепить грубое подобие птицы. Затем, воткнув ей в бока несколько белых перьев от курицы, которую тетка готовила в прошлое воскресенье, он смазал свое творение заранее приготовленной ядовитой смесью.

Луна как раз садилась за Стену, когда он начал читать заклинания. Пламя свечи трепетало на страницах старого фолианта, а Порджи медленно и тщательно выговаривал трудные слова.

Когда настала минута подключить к делу жабу, у Порджи едва хватило духу продолжать начатое; но он напряг волю и сделал все необходимое. Затем, морщась от боли,

Кварт — англосаксонская мера емкости для жидких и сыпучих тел, равная 1,14 литра. (Прим. переводчика.)

проткнул булавкой кожу на указательном пальце, медленно уронил три капли крови на грубое глиняное тельце и прошептал:

— Глина с кладбища,

Куриное перо,

Жабий язык,

Подымайтесь враз!

Порджи наклонился поближе, напрягшись в ожидании. Внутренним оком видел себя строящим гигантскую птицу, крылья которой достаточно сильны, чтобы поднять его над Стеной вокруг Мира.

Проходили минуты, и Порджи наконец увидел все, как есть, — просто вонючий кусок грязи с торчащими из него перышками. Слезы навернулись на глаза, когда он поднял тельце мертвой жабы и тихо сказал ей: «Прости меня».

Его сломанный планер все еще стоял там, где он оставил его, — на дальнем конце верстака. Он подошел и поднял его.

— Ты, по крайней мере, летаешь сам, — сказал он, — и чтобы тебя сделать, мне не приходится убивать бедных маленьких жаб...

Ему пришло на ум, что, возможно, деревянные крылья того большого планера из ящика были слишком тяжелы.

— Может, если бы я достал несколько длинных, тонких жердочек, — подумал он, — и материи, чтобы обтянуть крылья...

В течение трех последующих месяцев мысли Порджи были заняты лишь одним — машиной, которую он строил в просторной старой пещере на вершине длинного холма. В результате он все больше и больше запуская школу.

...Он сидел на траве перед входом в пещеру, дожидаясь темноты. Крохотные мигающие огоньки внизу обозначали деревни, которые одна за другой тянулись по равнине на добрые сорок миль. Охватывая их словно в кольцо рук, простиралась темная и угрожающая масса Стены. Куда бы он ни взглянул, она повсюду вздымалась навстречу ночи. Порджи следил взглядом за ее изгибом, пока не сделал полный оборот, после чего погрозил Стене кулаком.

— Я еще через тебя переберусь! — яростно шептал он, поглаживая нескладную массу машины, покоившейся рядышком с ним в траве. — Вот эта старушка Орлиха перенесет меня!

Старушка Орлиха являла собой странное сооружение, походившее на коробчатого змея. Порджи прикинул, что он сможет управлять полетом, болтая ногами. Если он подаст их вперед, то переместившийся центр тяжести отклонит нос машины вниз; а откинув ноги назад, можно заставить Орлиху задрать свой клюв к небу. Мальчик пару раз сделал глотательное движение в тщетной попытке смочить пересохшее горло и бросился вперед, отчаянно стараясь сохранить равновесие по мере того, как его вихляющая рысь все убыстрялась и убыстрялась. Стремглав, еще и еще быстрее мчался Порджи, и шаги уже стали прыжками, когда поверхности крыльев постепенно начали принимать на себя его вес. Пальцами ног он скользнул по высокой траве, и вот уже ноги его свободно болтались в воздухе.

Он взлетел.

Не решаясь двинуть даже головой, он скопил глаза налево и вниз. Земля быстро скользила в дюжине футов под ним. Медленно и осторожно он откинул ноги назад. Нос планера поднялся. Выше, все выше летел Порджи, пока вдруг не ощутил внезапное замедление скорости и какую-то неуверенность движений Орлихи. Почти инстинктивно он снова подался вперед, направив нос планера вниз в быстром нырке, чтобы снова набрать скорость.

Ко времени, когда Порджи поровнялся с подножием холма, он был уже на высоте ста пятидесяти футов. Для эксперимента он немного отклонил ноги влево. Планер чуть пошел и развернулся. Скользя над роющей, Порджи внезапно почувствовал, что подымается, — это его подхватил восходящий поток воздуха.

Планер набрал высоту — десять, двадцать, тридцать футов, — а затем снова медленно начал снижаться.

Приземлиться оказалось нелегко. Благодаря скорее удаче, чем умению, Порджи опустился в высокую траву луга, отделавшись всего несколькими царапинами. С минуту он сидел

и отдыхал, а голова у него шла кругом от волнения. Он летал, как птица, без помела, не произнося ни единого слова заклинания! Значит, кроме колдовства, есть и другие пути!

Его радужное настроение внезапно померкло, когда он осознал, что, хотя планировать вниз и было так здорово, путь через Стену лежит вверх. Кроме того, и это было сиюминутно важно, от пещеры его сейчас отделяло полмили, а одному ему нечего было и думать втащить Орлиху обратно на холм. А люди плохо относятся к машинам и к тем, кто их строит.

Помело, решил он в конце концов, имеет известное преимущество. Оно не может летать очень высоко, но после полета, по крайней мере, не приходится топтать домой пешком.

«Эх, будь у меня сейчас большее взрослое помело, — подумал Порджи, — я бы поднял им Орлиху и отвез ее в пещеру».

Он вскочил. Это могло получиться!

Он помчался вверх по склону со всей быстротой, на которую был способен, и наконец, сильно запыхавшись, подбежал ко входу в пещеру. Не дожидаясь, пока успокоится сердце, он оседлал помело и полетел вниз к своему оказавшемуся на мели планеру.

Пятью минутами позже он отступил назад и сказал:

— Помело, лети,

По небу мети,

Выше облака ходячего.

Дальше солнца горячего!

Оно никуда не полетело: Порджи ведь привязал его к раме Орлихи. Но когда мальчик поднял планер, то оказалось, что девять десятых веса машины исчезли, уравновешенные подъемной силой помела.

Он с тоской поглядывал в небо. Было позднее, чем он думал. Ему давно пора было быть дома, в постели, но когда он вспомнил о том ощущении могущества, которое испытал в полете...

Все выше и выше поднимался он, выше, чем когда-либо удавалось любому помелу!

Когда он пошел на снижение, это, надо сказать, оказалось уже не так весело. Дважды его увлек нисходящий поток и едва не прижал к земле, прежде чем Порджи смог освободиться от засасывающего ветра. Лишь подъемная сила помела позволила ему остаться в воздухе. Принимая на себя большую часть веса, она так облегчала Орлиху, что едва заметного шевеления воздуха оказалось достаточно, чтобы ее снова понесло вверх.

Он посадил планер на расстоянии брошенного камня от входа в свою пещеру.

— Завтра ночью! — взволнованно подумал он, отвязывая помело. — Завтра ночью!

...Была и завтрашняя ночь, и еще много ночей. Орлиха ловила крыльями любую восходящую струйку, и Порджи мало-помалу обнаружил, что может часами оставаться в воздухе, перелетая от одного теплового потока к другому.

Дату своего четырнадцатого дня рождения он обвел красным и ждал. У него были причины ждать.

В Мире внутри Стены четырнадцать лет — это граница между маленькими и большими, между детьми и мужчинами. И самое главное — это день, когда именинника отводили в Великую Башню, где жили Знающие и где ему вручали полноценное помело, движимое самым сильным из заклятий, помело, которое могло подниматься на целых шестьсот футов.

Порджи было необходимо взрослое помело, дополнительная сила, чтобы он смог преодолеть обширное пространство плоской равнины, отделявшее его от каньона, где Орлиху ждал могучий ветер.

Полдень его четырнадцатого дня рождения застал Порджи сидящим на ступеньках парадного крыльца в ожидании, когда выйдет из дома дядя. Вышел Бульдожка и сел рядом с ним.

— Наша компания устраивает сегодня ночью шабаш на вершине старушки Лысой, — сказал Бульдожка. — Жалко, что ты не полетишь.

— Полечу, если захочу, — сказал Порджи. — Это как? — спросил Бульдожка и тихо заржал. — Отрастишь крылья и полетишь? Старушка Лысая высотой в пятьсот футов, а ваши детские метелки так высоко не летают.

— Сегодня у меня день рождения...

— Думаешь, тебе дадут новое помело?

Порджи кивнул.

— Вот и нет! Я слышал, как мама с отцом говорили. Отец с ума сходит от злости, что ты завалил алхимию. Он говорит, что тебе надо преподать урок.

Порджи почувствовал, как внутри у него все оборвалось.

— А мне все равно, — сказал он. — Если захочу, все равно прилечу на шабаш. Вот погоди, сам увидишь.

Бульдожка хохотал во все горло, когда вскочил верхом на свое помело и полетел вдоль улицы. Порджи прождал час, но дядя все не появлялся.

Он вошел в дом. До самого ужина никто и словом не обмолвился насчет его нового помела. Затем дядя призвал его в гостиную и объявил, что помела ему не будет.

— Но, дядя Вирил, вы же обещали!

— Это было обещание с условием, Порджи. С ним было одно большое если. Помнишь, насчет чего?

Порджи опустил глаза и принялся пальцем ноги выводить узоры на потертом ковре.

— Я старался...

— В самом деле, сынок? — глаза у дяди смотрели сурово, но с состраданием. — Может быть, ты как раз старался, когда заснул сегодня на уроке? Я пробовал и говорить с тобой, и пороть тебя — ничего не помогает. Так, может, хоть это подействует. А теперь поспеши-ка наверх и займись уроками. Когда сможешь показать мне, что твои отметки исправлены, тогда и потолкуем насчет нового помела. А до тех пор и старое сойдет.

...Порджи лежал ничком на кровати, зарывшись лицом в подушку, когда услышал в окне какое-то шипение. Он поднял голову и увидел Бульдожку, сидящего на своем помеле и злорадно ухмыляющегося.

— А я только что видел мистера Уиккенса. Он выходил из старой пещеры за шахтой Арнетта! Могу спорить, он хочет привести Черного Человека.

— Ничего мне неизвестно про эту пещеру, — сказал Порджи, сев на постели.

— Еще как известно! Я тебя однажды выследил. У тебя там машина. Я сказал про это мистру Уиккенсу, и он дал мне четвертак.

Порджи сорвался с постели и бросился к окну.

— Я тебя убью!

Бульдожка отплыл в сторону ровно настолько, чтобы Порджи не мог до него дотянуться, отпустил еще какую-то шпильку и унесся на Лысую гору к утехам шабаша.

Дядя Вирил только собрался пойти на кухню и приготовить себе сэндвич, как у входной двери прозвенел звонок. Ворча, он вышел в прихожую. В дверях стоял мистер Уиккенс. Он прошел в дом и теперь моргал и шурился от света. Казалось, он не знает, как начать.

— У меня для вас плохие новости насчет Порджи, — сказал он. — Жена еще не спит? Будет лучше, если она тоже это услышит.

Когда они вошли в гостиную, тетя Ольга отложила вязанье.

— Поздненько вы, мистер Уиккенс!

Мистер Уиккенс помялся, кашлянул и, наконец, выговорил низким, приглушенным голосом:

— Порджи построил машину. Черный Человек сказал мне, что сегодня ночью придет за мальчиком.

Дядя Вирил ринулся вверх по лестнице за Порджи. Мальчика в комнате не было.

Луна стояла высоко. Порджи, словно днем, ясно видел весь мир, проносимый под ним. Вдали слева он различил мельтешение огоньков на вершине старушки Лысой, где ребята устроили свой шабаш. Он подавил было искушение, но затем поддался ему. Заставив Орлиху парить кругами над небольшой рощицей, ждал, пока сильные восходящие течения не вынесли его почти на высоту Стены. Тогда Порджи крутнулся всем телом и взял курс на красные огни далеких костров.

Несколькими минутами позже мальчик безмолвно скользнул над ними на высоте в восемьсот футов, нащупывая воздушные течения вокруг скал. На дальнем конце Лысой горы было мощное нисходящее течение, и

когда Порджи вплыл в него, оно внезапно подхватило планер, но Порджи тотчас отвернул и, прежде чем Орлиху увлекло слишком далеко вниз, сумел найти спокойный воздух. По другую сторону горы, ближе к каньону, он встретил то, что искал, — сильный вздымающийся поток, который, казалось, шел до самого неба.

Он твердо запомнил его расположение и затем начал кругами снижаться над шабашем. Вскоре он уже был так близко от ребят, что стал различать отдельные фигурки, сидящие у маленьких костров.

— Эй, Бульдожка! — закричал он во все горло.

Коренастая фигура вскочила и ошарашенно стала оглядываться в поисках источника этого призрачного зова.

— Да здесь я, наверху!

Порджи сунул руку в карман, достал оттуда небольшой камешек и кинул его вниз. Тот с треском ударился о выступ скалы в четырех футах от Бульдожки. Двоюродный брат Порджи издал испуганный вопль. Остальные ребята тоже повскакали и, закинув головы, уставились в темное небо, ничего не видя из-за спящего пламени костров.

— Я же сказал тебе, что смогу прилететь к вам на шабаш, если захочу! — закричал Порджи. — Только мне теперь не хочется! У меня нет времени на детские забавы! Я лечу через Стену!

На последнем проходе над вершиной он был на высоте не больше футов тридцати. Когда он перегнулся через раму, в свете костров стало ясно видно его лицо.

Приставив большой палец к носу, он оскорбительно пошевелил пальцами и пропел: — Кис-кис-кис! Вам меня не поймать!

Ноги его едва не касались земли, когда он спланировал над обрывом. Секунда прошла в беспокойном ожидании, а затем он ощутил на крыльях крепкий и неуклонный напор восходящей струи.

Он почувствовал, как на высоте трехсот футов исчезла подъемная сила его помела. Орлиха стала неловкой и тяжелой, но силы потока еще хватало, чтобы медленно нести его вверх. Фут за футом поднимался он к краю Стены. Была минута, когда он потерял драгоценные сто футов, — это спираль вынесла планер из потока, и ему пришлось снова искать его. Клок облака свисал с края Стены, и когда Порджи вошел в него, то на мгновение его охватила паника.

В один миг не стало ни левого, ни правого, ни верха, ни низа. Только белая мокряда. У него было такое ощущение, будто Орлиха отказывается слушаться управления; но Порджи крепко держался, полагаясь на то чувство воздуха, которое он приобрел во время многочисленных тренировочных полетов.

Найтовы совсем ослабли. Всей силы его рук не хватало, чтобы удержать крыло от дрожи. Он изо всей мочи боролся за то, чтобы не потерять контроль над кораблем и над собой, не уступить огромному искушению податься вперед и бросить Орлиху в отлогую кривую спуска, которая снова приведет его в нормальный и безопасный мир.

Он уже почти сдался, как вдруг с театральной неожиданностью планер выскользнул из облака в ясную, тронутую лунным светом ночь. Первый раз в его жизни Стена не закрывала путь взору, в первый раз не стало этой огромной черной линии, протянувшейся сквозь ночь.

Он был над ней!

Оглядываться не было времени. С громким звоном одна из веревочек лопнула, и обшивка кромки переднего крыла отчаянно захлопала над напором воздуха. Планер начал то рыскать из стороны в сторону, то заваливаться носом.

Но если ему суждено упасть, он упадет на ту сторону. По крайней мере оставит в дураках мистера Уиккенса и Черного Человека.

Теперь он был прямо над Стеной. Она протянулась под ним, как широкая дорога, сверкая в лунном свете гладкой черной поверхностью. Повинуясь мгновенному импульсу, он яростно подал все тело вперед и вправо. Нескладный аппарат наклонил нос и нырнул к черной поверхности, вниз.

Он перенес свой вес назад, круто вздыбив нос Орлихи. Падение превалось лишь на одну драгоценную секунду, покуда еще держались крылья. Затем с громким треском переднее крыло заломилось назад и ударило его по лицу... Мгновения слепого беспорядочного падения и сокрушительный удар, погрузивший его в темноту.

Порджи осторожно отполз на четвереньках по скользкой мокрой поверхности, пока не добрался до середины стены. Здесь он сжался в комок и стал дожидаться утра.

...Порджи открыл глаза и сел. Кто-то звал его. Казалось, что этот голос исходит с высоты и откуда-то издалека.

Голос приближался, приближался, и внезапно Порджи увидел в темноте черную фигуру, кружащуюся над Стеной, подобно огромной вороне. Ближе слетала она, еще ближе и еще — человек в черном, с вытянутыми руками и длинными, похожими на когти пальцами!

Порджи вскочил и побежал, скользя по мокрой поверхности. Он оглянулся через плечо: черная фигура была уже над ним. Порджи в отчаянии метнулся в сторону и поскользнулся.

Он чувствовал, что со страшной скоростью скользит по краю Стены. Он цеплялся ногтями, ища бугорка, неровности, — и не мог остановиться. Была секунда, когда он почувствовал, как ускользает из-под него холодная, влажная поверхность Стены...

Падая, он медленно переворачивался. Сначала под ним были облака, потом они пропали, и на их месте появилось усыпанное звездами небо. Он чувствовал, как Время несет его в мягких ладонях. Ужаса не было. Не было ничего.

Ничего — пока внезапно небо над ним не исчезло, закрытое падающей стремглав черной фигурой, похожей на ястреба.

Порджи отчаянно пинался. Один удар пришелся по чему-то твердому, и на мгновение Порджи почувствовал себя свободным. Но тотчас же сильные руки обняли его сзади, и из пустоты забвения он был возвращен в мир падения и страха.

Что-то внезапно надавило ему на грудь, и вслед за тем он почувствовал, как его поднимают. Потом его осторожно опустили на верхушку Стены.

...Он стоял с вызывающим видом, высоко подняв голову, смело глядя на черную фигуру.

— Я ни за что не вернусь! Вам не заставить меня вернуться!

— Тебе не нужно возвращаться, Порджи!

Под капюшоном ему не видно было лица, но голос казался странно знакомым.

— Ты заслужил право увидеть, что находится с другой стороны, — сказал этот голос. Капюшон был сброшен.

В ярком лунном свете Порджи увидел мистера Уиккенса!

Учитель приветливо кивнул.

— Верно, Порджи, я и есть Черный Человек. Несколько неожиданно, правда ведь? Я с Той Стороны. По-моему, меня можно назвать своего рода наблюдателем.

— Наблюдателем? — переспросил Порджи. — С Той Стороны?

— Именно. Сттуда, где ты проведешь ближайшие несколько лет. Не думаю, что жизнь там покажется тебе лучше, но не думаю, что она будет и хуже. А вот то, что она будет другой, это я, пожалуй, могу обещать твердо!

— Он довольно засмеялся. — Ты помнишь, что я сказал тебе в тот день в своем кабинете? Что человек не может идти сразу в двух направлениях, что Мозг и Природа обязательно столкнутся. Это и правда и неправда. Человек может владеть и тем и другим, но для этого нужны два мира... На Той Стороне мир машин. Это тоже хороший мир. Но люди, живущие в нем, уже очень давно поняли, что они платят за это, что контроль над Природой означает пренебрежение возможностями Мозга, поскольку машина — это продукт логики и здравого смысла, а чудеса — нет. Поэтому люди и построили Стену, посе-

лили внутри людей и дали им такие книги и такие законы, которые обеспечили бы развитие сил Мозга. По крайней мере, они надеялись, что так получится, и так получилось.

— Но... зачем же Стена? — спросил Порджи.

Уиккенс вытащил из кармана связку ключей.

— Подыми-ка их!

Порджи уставился на овязку, покуда она накрепко не запечатлелась в его мозгу, и затем стал мысленно поднимать ключи, пока вся связка не повисла высоко в воздухе. Затем он снова уронил их в ладонь мистера Уиккенса.

— Люди с Той Стороны так не умеют, — сказал учитель. — И сознательно телепатировать — вы называете это разговаривать мыслями — тоже не могут. Они не могут делать этого, так как не верят по-настоящему, что такие вещи возможны. Люди с внутренней стороны Стены верят, потому что они живут в атмосфере колдовства. Но как только все эти вещи будут отработаны и овладение ими станет просто вопросом тренировок и метода, тогда больше уже не понадобятся все эти ритуалы, заклинания и глубокая вера в существование сверхъестественных сил. И Стена рухнет. Но до тех пор... — он сделал паузу и нахмурился с шутливой суровостью, — Черный Человек всегда будет поблизости и присмотрит за тем, чтобы люди с Этой Стороны Стены не разрывались посредине пути, пытаясь сразу идти в двух направлениях!

В глазах у Порджи светилось томительное сомнение.

— Но ведь вы летали без всякой машины?

Черный Человек распахнул балахон и показал небольшой блестящий диск, прикрепленный у него на груди. Он постучал по нему.

— Это машина, Порджи, такая же, как твой планер, только в другом роде и много лучше. Она почти так же хороша, как и левитация. Мозг и Природа... они в конечном счете сойдутся.

Он снова залахнул балахон.

— Здесь холодно. Пошли? Завтра у нас будет достаточно времени, чтобы посмотреть, что же там, с Той Стороны Стены вокруг Мира.

— А мы не можем подождать, пока облака поднимутся? — с тоской в голосе спросил Порджи. — Мне бы, понимаете, хотелось увидеть все сначала именно отсюда...

— Можем, конечно, — ответил мистер Уиккенс, — но есть один человек, которого ты не видел уже очень давно и который ждет тебя там, внизу. Если мы останемся здесь, он будет волноваться.

Порджи растерянно уставился на него.

— Я никого не знаю на Той Стороне, я... — он внезапно умолк. Он почувствовал, что у него вот-вот разорвется сердце. — Это мой отец?!

— А кто же еще? Он выбрался легким путем. А ну, давай двигаться, покажем ему, каким мужчиной вырос его сын. Ты готов?

— Я готов, — сказал Порджи.

— Тогда помоги-ка мне перетащить твоё сооружение к другой стороне Стены, чтобы мы могли сбросить его внутрь. Когда утром люди увидят эти обломки, они будут знать, как поступает Черный Человек с теми, кто строит машины, вместо того чтобы заниматься своим делом. На Бульдожку и на других это окажет благотворное влияние.

Двое стояли молча, бок о бок, глядя, как Орлиха падает на своих сломанных крыльях. Когда она исчезла в темноте внизу, мистер Уиккенс обнял Порджи и уверенно ступил на внешний край Стены.

— Подождите немножко, — сказал Порджи, вспоминая кабинет учителя и ореховый прут, который послушно плыл по воздуху. — Если вы с Той Стороны, то как же вы можете поднимать вещи?

Мистер Уиккенс широко улыбнулся.

— О, я родился Внутри. Первый раз я перешел на Ту Сторону, когда мне было чуть больше, чем тебе сейчас.

— На планере? — спросил Порджи.

— Нет, — ответил Черный Человек с совершенно серьезным лицом. — Я пошел и наловил полдюжины орлов.

*Сокращенный перевод с английского
Е. КУБИЧЕВА*